

## страницы воспоминаний

Виктор  
СТАРИКОВ

**З**АГАДОЧНА была непохожестью на другие эта книга. Загадочен был и автор ее. Книга называлась «Малахитовая шкатулка», год издания — 1939-й. На обложке стояло имя автора — Павел Петрович Бажов.

В ту пору я только-только приобщался к литературной жизни Свердловска. Павел Петрович обладал редкой особенностью с первого знакомства прочно запоминать имя и отчество человека. При каждой встрече он неизменно говорил:

— Здравствуйте, Виктор Александрович

Этим все наши отношения тогда и ограничивались.

В первых числах ноября 1939 года рабочий Нижний Тагил провожал в последний путь рано умершего галантливого писателя А. П. Бондина, выходя из рабочих, замеченного в свое время А. М. Горьким.

— Вот ведь штука-то какая, — говорил мне после похорон в гостиничном номере тихим окающим голосом Павел Петрович, осторожно разливая чай. — Жил человек, книги писал хорошие. Глаз у него был зоркий, и «наблюдать жизнь» ему не приходилось, он в самой гуще ее варился. И смотриге-ка, сколько народу собралось попрощаться! Хотели выразить признательность свою писателю и уважение. — Он вздохнул, пошевелил рукой бороду, добавил: — У меня одним близким человеком стало меньше. Это грустно. Особенно в моем возрасте. Вроде жизнь беднее становится...

Наш поезд в Свердловск ушел поздно — около трех часов ночи. Я собирался попросить в горкоме партии машину, чтобы добраться до вокзала, но Павел Петрович этому решительно сопротивлялся:

— Не такая крайность, чтобы машину одалживать. Пройдемся пешочком, полезно... А то полнегь начинаю, двигаюсь мало.

На вокзал мы отправились пешком через темный спящий город. Длинная неосвещенная улица, деревянный тротуар. Идти следовало с соблюдением крайней осторожности, дабы не споткнуться, не провалиться ногой в щель. Павлу Петровичу в ту пору шел шестьдесят первый год. Однако шагал он хоть неторопливо, но уверенно, постукивая палочкой.

В ту ночь на улице ночного Тагила, а потом в поезде Павел Петрович говорил больше всего о Бондине.

Рассказывал Бажов интересно. Все же я решился отвлечь его и перевести разговор на «Малахитовую шкатулку». Я заговорил о том, что сейчас писатели заняты отображением огромных социальных сдвигов, происходящих в стране, коренной перестройки всего уклада деревенской жизни, а вы, мол, Павел Петрович, погрузились не просто в прошлое, а расцвелили его волшебным сказочным вымыслом...

— Не всякий свою тропку в жизни сразу находит, — медленно заговорил Бажов глуховатым голосом. — Вот и я тому пример... Новое, конечно, волнует, а старое мне как-то ближе, душевнее. А сказки, да... — Он помолчал. — Выдалась такая невеселая полоса, что я оказался не у дел. Ну и взялся всякие давние задумки обрабатывать. Так и получилась эта книжка. Как говорится, велению сердца подчинился... А что сказки интерес вызвали, это меня даже удивило...

Однажды раздался телефонный звонок, и я услышал глуховатый голос Павла Петровича:

— Извините, что, может, от дел отрываю. Приезжает Александр Серафимович Серафимович. Надо его встретить, а я транспортных средств не могу раздобыть. Не поможете? Да и присоединяйтесь, представительно получится встреча. А то вроде, кроме меня, писателей в Свердловске нет.

Мог ли я отказаться от возможности познакомиться с ав-

тором «Железного потока»? Я отложил все срочные и несрочные газетные дела и к назначенному часу был у дома Бажовых на улице Чапаева. Павел Петрович, одетый, поджидал на высоком крыльце. Мы приехали на вокзал как раз к приходу московского поезда.

Высокий старик в длинном пальто сошел со ступенек вагона и уверенно пошел навстречу Павлу Петровичу.

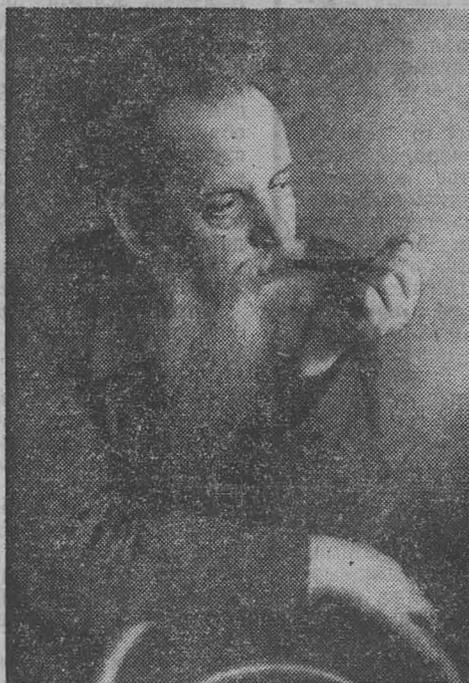
— Увидал вас, сразу решил, что вы и есть Бажов Павел Петрович, — добро усмехаясь, огля-

В июле 1942 года я приехал из армии на побывку.

В те месяцы, что я прожил в Свердловске, часто видел Павла Петровича. Ежедневно он приходил в Дом печати, где помещалось отделение Союза писателей, отдавая свое время и силы тьме-тьму текущих дел.

Писатели Москвы, Украины, оказавшиеся в Свердловске, трудности той поры переносили с достойным уважением спокойствием, перестроив свою жизнь, весь быт на военный лад. Они выступали перед ранеными в госпиталях. Выезжали на заводы. Все это сложное и хлопотливое дело надо было направить, организовать. Этим и занимался Павел Петрович. Выезжал и сам.

# МАСТЕР, МУДРЕЦ, СКАЗОЧНИК



П. П. БАЖОВ. 1947 год.

дывая Павла Петровича, говорил Серафимович. — Словесный портрет мне в Москве ваши знакомые нарисовали. Спасибо, что встретили, — и долго держал руку Павла Петровича, всматриваясь в его лицо.

Было это в начале 1941 года. В ту пору Серафимович приближался к восьмидесятилетнему возрасту. Держался он прямо, совершенно не сутулясь, взглядел бодро. В живости его движений было что-то от казачества. В речи — медлительной, неторопливой — интеллигентная мягкость.

В номер гостиницы был подан завтрак. Серафимович произнес тост.

— Книжница ваша весьма основательная, Павел Петрович, — говорил он. — И судьба у нее будет самая добрая. Уж поверьте старому писателю и читателю От истоков русского языка, русской народности идете. Глубокие у вас корни...

Надо было видеть, с какой предупредительностью Серафимович относился к Павлу Петровичу, ухаживая за ним на правах хозяина Бажов улыбчиво психмыкивал, все поглаживал бороду, проводя рукой снизу от шеи.

— Не переხвалите, Александр Серафимович. Все-таки это ведь всего-то сказочки.

— Ан нет, дорогуша. Такие сказочки романа стоят!

Мне довелось тем же летом 1942 года поехать в Нижний Тагил вместе с П. Бажовым и Ф. Гладковым.

Втроем мы прожили несколько дней в маленьком номере гостиницы. Распорядок установился такой: с утра — в цехи Ново-Тагильского металлургического завода, Уралагонзавода, к горнякам горы Высокой; вечером — встречи с читателями в библиотеках, красных уголках, общежитиях. Возвращались в гостиницу поздно, порядком вымотанные Федор Васильевич возил с собой два чайника; маленький для заварки и большой для кипятка Чаепитие со скромным ужином, с сахаром вприкуску продолжалось долго.

Оба писателя, резко отличные в творчестве, душевно были близки. Федор Васильевич, человек трудно характера, способный раздражиться на весь вечер из за мелочи, резко нетерпимый в спорах, в этом — полная противоположность Павлу Петровичу. В своих литературных оценках Гладков категоричен до крайности. Но оба были приверженцами русской классической литературы, особенно отдавая дань восхищения таким знатокам и кудесникам народной речи, как Мельников-Печерский, Лесков И. конечно, в Нижнем Тагиле они не могли не говорить о Мамине-Сибиряке.

Федор Васильевич заговаривал о бажовских сказах, Павел Петрович тушевался:

— Старое ворошу, старое. Это ведь легче — в старом-то разобраться. Виднее, что к чему становилось, что к чему прилагивалось. С горки-то оно виднее. — И тут же хитро переводил разговор на самого Федора Васильевича: — Вот вы на острие времени живете... Это сложнее, чем ворошить старое.

В конце сороковых годов маршал Г. К. Жуков получил новое назначение — командующим Уральским военным округом — и поселился в Свердловске. Он как-то сразу сблизился с Павлом Петровичем. Мы быстро приехали, что на общегородских собраниях, на всяких торжественных заседаниях, в дни работы городских и областных партийных конференций Г. К. Жуков и П. П. Бажов сидели в президиуме рядом. Они оба были красивыми большой, человечески значительной красотой. Они наклонялись друг к другу, о чем-то перешептывались. Улыбались. В перерывах выходили вместе и опять усаживались рядом в укромном уголке, о чем-то переговариваясь.

При очередных выборах в Верховный Совет СССР П. П. Бажов совершал тяжелую в зимнюю непогоду продолжительную поездку по дальним избирательным участкам большого Красноуфимского округа.

Два дня спустя после его возвращения из Красноуфимска я вместе с Г. К. Жуковым пришел навестить Павла Петровича, чувствующего себя не совсем здоровым. В дверь заглянула Валентина Александровна.

— Георгий Константинович к тебе, — сказала она.

Павел Петрович, просияв лицом, поспешно направился, мягко ступая ногами, обутыми в валенки, в небольшую переднюю, где Георгий Константинович уже снимал с себя маршальскую шинель.

— Еду мимо, — заговорил он густым голосом, — вижу, окна светятся. Ну и осмелился на огонек заглянуть, осведомиться, как себя чувствуете после поездки. Не помешал? — И стал расспрашивать у Павла Петровича, как прошли его встречи с избирателями. В свою очередь и Павел Петрович заинтересовался впечатлениями Г. К. Жукова от поездки.

— С военными людьми привлекательно общаться, — медленно заговорил Г. К. Жуков, — а тут вплотную с рабочими, колхозниками, женщинами. И не передать, как волнительно все получилось. На каждом собрании обязательно встречались бывшие солдаты, с которыми на разных фронтах вместе бывали. — Он помолчал. — Много инвалидов, много... А солдатских вдов... Войной пахнуло, народным горем, будто вчера все это было. Знал, что большие потери мы понесли. Но это — раздумом, а вот сердцем сейчас почувствовал. А как говорят! Прекрасным языком, Павел Петрович!

Мы с вами, Павел Петрович, люди пожилые, — продолжал Жуков, — нам как-то виднее все самое хорошее в народе.

— Вы-то еще молоды, если со мной счет вести, — обронил Павел Петрович.

— В такой-то поре мы с вами почти одногодки, — возразил Жуков. — Обоим нам многое пришлось повидать, многому научиться... Добрые мысли нахожу в ваших сказах. Ведь я вашу сказочку порой возьму и на ночь почитаю. Прочту и глаза закрою.

— Неужто ко сну преклоняет? — засмеялся Бажов.

— К хорошему...

Я не могу в точности передать всего разговора. Несколько раз Георгий Константинович ласкательно накрывал своей большой ладонью маленькую руку Бажова.

Г. К. Жуков пробыл у Бажовых с полчаса и, извинившись, что больше не может задерживаться, со всеми распрощался.

Павел Петрович долго не мог вернуться к прерванному разговору. Задумался, вздохнул:

— Эпическая фигура...

Фото И. ТЮФЯКОВА